КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ: сравнительный анализ*

В. В. ГРИБАНОВ,
доктор политических наук,
профессор кафедры политических процессов Коми республиканской академии государственной службы и управления
(г. Сыктывкар, РФ)

И. А. БЫКОВ,
кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении Санкт-Петербургского государственного университета
(г. Санкт-Петербург, РФ)

Исследования в области взаимодействия бизнеса и власти имеют важнейшее теоретическое и практическое значение. С теоретической точки зрения в центре внимания политологии сегодня находятся проблемы взаимозависимости политического и экономического развития современных государств, а также вопросы поиска наиболее эффективных институтов государственного регулирования рыночных отношений [5]. В данном вопросе либеральным теоретикам во главе с Робертом Далем был брошен достаточно аргументированный вызов со стороны представителей неокорпоративизма, к которым относятся такие известные авторы, как Филипп Шмиттер, Герхард Лембрух, Клаус Оффе, Юрген Гроте и др. [3]. Суть спора между либеральными теоретиками и неокорпоративистами будет разобрана ниже.

С практической точки зрения исторически сложившееся разнообразие расселения финно-угорских народов на северо-западе Евразии создает почву для сравнительного исследования отношений власти и государства с хорошими перспективами для прикладного использования выводов и конструирования базовой модели коммуникаций бизнеса и власти финно-угорских народов. Изучение зарубежного опыта, разумеется, не должно быть самоцелью, однако оно позволяет избежать грубых ошибок в государственном управлении, связанных с тем, что социальные институты навязываются гражданам, а не базируются на сложившемся и укоренившемся в общественном сознании модусе поведения.

Очевидно, что период «дикого капитализма», получивший в публицистике название «лихие девяностые», вызвал в широких слоях российского общества негативное восприятие. Вместе с тем эффективность рыночной экономики в целом не подвергается сомнению. Сложившаяся ситуация стимулирует поиск такой базовой модели взаимодействия бизнеса и власти в России, которые могли бы сочетать эффективность рыночных механизмов с социальной ответственностью. Поскольку Российская

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект 14-23-01001 «Базовые модели коммуникаций бизнеса и городской власти в Минске и Санкт-Петербурге: компаративный анализ».

© Грибанов В. В., Быков И. А., 2014

Федерация – многонациональное государство с огромным географическим разнообразием, сравнительные исследования по «национальному признаку» могут способствовать учету региональной специфики при создании эффективных моделей взаимодействия бизнеса и власти.

Актуальность нашего исследования связана также с тем, что в современной России наблюдается тенденция профессионализации сферы коммуникаций бизнеса и власти, включая распространение с федерального уровня на региональный [9] и выход на зарубежные целевые аудитории [4]. Об этом сигнализирует, например, появление образовательных программ по специальности «связи с органами государственной власти» и ряда новых учебников в данной сфере [10; 11]. Очевидно, что усиление роли государства в отечественной экономике порождает объективную потребность не только в специалистах, но и в создании эффективной модели взаимодействия бизнеса и власти. Подобная модель могла бы способствовать устойчивому росту российской экономики в целом и региональных экономик в частности, а также стабилизации политической ситуации в долгосрочной перспективе.

Концептуальные основы взаимодействия бизнеса и власти

Анализ специальной литературы по теме выявляет две серьезные проблемы. С одной стороны, можно констатировать явный недостаток специальной литературы. Это касается как монографических изданий, так и работ, опубликованных в научной периодике. С другой стороны, большинство практикуемых подходов к изучению взаимодействия бизнеса и власти базируется на каких угодно основаниях, но только не на коммуникационных моделях. В частности, в известной работе «GR-связи с государством» под редакцией Л. В. Сморгунова и Л. Н. Тимофеевой авторы выделяют четыре подхода к изучению данного взаимодействия: экономической теории, политологии, менеджмента и социологии [11, *28–29*]. Немногочисленные работы с коммуникационной исследовательской парадигмой либо оперируют слишком общими кибернетическими моделями коммуникации [1], либо ограничиваются разбором áкторов сети коммуникаций по поводу конкретной проблемы [8]. На наш взгляд, в отечественной литературе сегодня наблюдается недооценка коммуникативного подхода в исследованиях по теме взаимодействия бизнеса и власти. Это тем более удивительно, что для современного общества характерен тренд усиления роли информационно-коммуникационных технологий в целом.

Исторически сложившееся разнообразие расселения финно-угорских народов на северо-западе Евразии создает почву для сравнительного исследования отношений власти и государства с хорошими перспективами для прикладного использования выводов и конструирования базовой модели коммуникаций бизнеса и власти финно-угорских народов.

Вместе с тем в научной литературе отмечаются попытки создания моделей взаимодействия государственных органов власти и групп интересов. Так, К. В. Киселев указывает, что существуют две полярные точки зрения на то, как организованные группы интересов вообще и бизнес в частности взаимодействуют с органами власти [2]. С точки зрения позитивно настроенных исследователей, группы интересов – это неотъемлемая часть общественно-политической жизни. Самоорганизация групп интересов способствует наиболее полному и адекватному представительству интересов, присутствующих в обществе. Конфликты и борьба между группами интересов также считаются нормальным явлением, как и то, что они оказывают влияние на

процесс принятия решений. Основная трудность, по мнению сторонников позитивного отношения к лоббизму и плюрализма групп интересов, заключается в создании прозрачных правил игры, когда все участники процесса открыто заявляют о существовании своих интересов. Организация процесса лоббизма интересов происходит при помощи соответствующего законодательства и этических стандартов. Несомненно, что создание такого рода правил поведения групп интересов – огромная проблема из-за специфики лоббистской деятельности.

С точки зрения негативно настроенных исследователей, группы интересов, действующие в своих целях, разрывают общество. В результате борьбы за выживание наиболее представленными интересами оказываются интересы самых больших групп влияния: крупного бизнеса и бюрократии. Конфликты интересов могут привести к полному развалу общества. Поэтому нельзя допускать открытого проявления групп интересов и следует выстроить иерархию их представительства. Более того, как подчеркивает К. В. Киселев, сторонники негативного отношения к лоббизму считают, что «необходимо максимально ограничить круг субъектов, которым разрешено заниматься лоббистской деятельностью, путем ужесточения механизмов регистрации и лицензирования. Желательно ограничить круг этих субъектов лишь общественными организациями, соответственно максимально затруднить коммерческое лоббирование» [2, *326*].

На наш взгляд, подход К. В. Киселева в значительной степени упрощает ситуацию в области взаимодействия бизнеса и власти, так как затрагивает всего один аспект этих взаимоотношений: организацию групп интересов. Однако есть и другой аспект: управление представительством интересов. Действительно, согласно плюралистической теории организации групп интересов Роберта Даля, свободная борьба групп интересов и их самоорганизация являются необходимой частью современной демократии. Соответственно иерархия групп интересов будет считаться признаком авторитарного способа управления интересами. Против этого подхода энергично выступали представители неокорпоративизма во главе с Филиппом Шмиттером. По их мнению, иерархический способ организации групп интересов может существовать не только в авторитарных, но и в демократических режимах. Как указывают авторы книги «GR-связи с государством», в моделях взаимодействия власти и государства действуют два основных фактора: тип группового взаимодействия и форма группового участия [11, *46*]. Схематически возможные варианты взаимодействия отражены в табл. 1.

Таблица 1

Модели взаимодействия государства и групп и интересов

	Плюрализм интересов	Корпоративная организация интересов
Демократическое участие	Демократический плюрализм	Демократический корпоративизм
Делегированное участие	Делегированный плюрализм	Делегированный корпоративизм

Таким образом, с теоретической точки зрения существуют четыре модели взаимодействия государства и групп интересов. Модель демократического плюрализма опирается на два основных принципа. Во-первых, свободная конкуренция групп интересов за ресурсы и сферы влияния считается нормой общественной жизни. Во-вторых, группы интересов возникают в режиме самоорганизации, т. е. государство никак не вмешивается в процесс самоорганизации. У данной модели есть целый ряд недостатков:

– некоторые социальные группы никак не борются за свои интересы, так как не могут или не умеют самоорганизовываться;

– в конкуренции за ресурсы и сферы влияния обычно одерживают верх наи-

более организованные и располагающие крупными ресурсами социальные группы (чаще всего – бизнес и бюрократия);

– в условиях конкуренции и самоорганизации в обществе тратятся огромные ресурсы, время и другие усилия на сам процесс принятия решений, а также создаются в большом количестве дублирующие структуры, как бы представляющие интересы одной и той же социальной группы.

Полной противоположностью модели демократического плюрализма выступает модель делегированного корпоративизма. Эта модель базируется на противоположных принципах, которыми являются отсутствие свободной конкуренции групп интересов и организация представительства интересов социальных групп со стороны государства. Таким образом, государство не допускает свободной конкуренции между группами интересов и их свободной самоорганизации. Основные недостатки делегированного корпоративизма:

– в обществе резко падает социальная динамика;

– возникают застойные явления;

– формируется контрэлита и т. п.

Разница между двумя оставшимися моделями заключается в том, что в одном случае государство разрешает свободную конкуренцию между социальными группами (демократический плюрализм), а в другом – свободную самоорганизацию групп интересов (демократический корпоративизм). В последнее время теоретики неокорпоративизма указывают на то, что демократический корпоративизм, сочетающий право граждан на самоорганизацию и политическое участие, а также блокирующий эксцессы свободной конкуренции групп интересов (когда бизнес-элита и государственная бюрократия фактически поглощают все ресурсы общества), оказывается фундаментом так называемого общества всеобщего благосостояния. В публицистической литературе это явление получило название «шведский социализм» или «социальное государство».

Взаимодействие бизнеса и власти в местах расселения финно-угорских народов: предварительный анализ

Как известно, ареал расселения финно-угорских народов охватывает значительные области Евразии. В результате известных исторических событий финно-угорские народы входят в две политические системы: Европейского союза и Российской Федерации. В ЕС находятся государственно-территориальные образования финнов, венгров и эстонцев. Если в количественном плане «европейских» финно-угров больше, то проживающие в России финно-угры отличаются значительно большим ареалом расселения и этническим разнообразием. В Российской Федерации имеется целый ряд финно-угорских национальных автономий, таких как Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Удмуртия, Республика Коми, Республика Карелия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ.

В современной России наблюдается тенденция профессионализации сферы коммуникаций бизнеса и власти, включая распространение с федерального уровня на региональный и выход на зарубежные целевые аудитории.

«Европейские» финно-угры, проживающие в зоне политической системы Европейского союза, характеризуются определенными общими законодательными рамками взаимодействия бизнеса и власти. Более того, в специальной литературе опубликованы некоторые результаты исследований взаимодействия бизнеса и власти в европейских странах с большой долей коренного финно-угорского населения. Например, согласно различным индексам корпоративизма страны с боль-

шой долей финно-угорского населения в Европе отличаются высоким уровнем этого показателя. В табл. 2 суммированы результаты исследований корпоративизма по различным методикам [3, *55*].

В данной таблице значение индекса указывает на степень корпоративизма: чем выше индекс, тем выше уровень корпоративных отношений. Можно легко обнаружить, что страны, имеющие финно-угорское население (Финляндия, Швеция, Норвегия), находятся в нижней части таблицы, т. е. в этих странах корпоративизм является доминирующей формой взаимодействия бизнеса и власти.

Таблица 2

Индексы корпоративизма

Страна	Индекс Кам-форса – Дриф-фила	Индекс Шмит-тера	Индекс Каме-рона	Индекс Бруно – Сакса
Канада	1	4	4	2
США	2	5	3	1
Швейца-рия	3	6	6	12
Япония	4	–	1	8
Италия	5	1	5	4
Велико-британия	6	2	8	6
Франция	7	3	2	5
Австралия	8	–	7	3
Бельгия	10	8	13	9
Нидер-ланды	11	9	10	15
Германия	12	7	9	16
Финлян-дия	13	10	12	10
Дания	14	11	11	11
Швеция	15	12	16	13
Норвегия	16	13	15	14
Австрия	17	14	14	17

Эстония, вступившая в ЕС относительно недавно, не попала в соответствующие рейтинги по вполне очевидным причинам. Однако, на наш взгляд, не будет большой натяжкой, если мы предположим, что ситуация в отношениях между бизнесом и властью в Эстонии весьма напоминает ситуацию в Финляндии, поскольку экономические и политические реформы в Эстонии после распада Советского Союза опекались северным соседом. Данное утверждение неоднократно подтверждалось статистически на примерах других стран. В частности, А. Пшеворский указывал на то, что успешность экономических и политических преобразований сильно зависит от близости страны, совершающей реформы, к странам-образцам [5]. Подобная ситуация наблюдалась как после Второй мировой войны, так и в случаях преобразований стран Южной (Португалия, Испания, Греция) и Восточной (Польша, Чехия, Эстония и т. д.) Европы.

Отдельно следует рассматривать ситуацию с Венгрией. Во-первых, венгерский этнос в связи с историческими событиями оказался почти в центре Европы в окружении славянских и германских народов. Во-вторых, в Венгрии имеется более серьезное законодательное регулирование отношений бизнеса и власти, чем в целом по Европейскому союзу: «Только четыре европейских государства из 27 государств – членов ЕС имеют лоббистские правила в национальном законодательстве: Германия, Литва, Польша и Венгрия» [7, *22*]. При этом следует отметить, что в Европейском союзе достаточно либерально относятся к взаимодействию бизнеса и власти. До настоящего времени лишь один институт власти ЕС обладал лоббистским регистром. Этим институтом был и остается Европейский парламент, где лоббисты обязаны проходить регистрацию в соответствии с Процедурными правилами, утвержденными в 1996 г. Законодательство относительно лоббистской деятельности в Совете министров и Еврокомиссии отсутствует, хотя добровольная регистрация лоббистов была установлена Еврокомиссией в июне 2008 г.

Любопытен факт статистического распределения лоббистских предста-

вителей в Европейском союзе: «Около 70 процентов из 15 000 лоббистов, работающих на уровне ЕС, прямо или косвенно представляют интересы корпораций и промышленности, 20 процентов представляют интересы регионов, городов и международных организаций и 10 процентов представляют профсоюзы и неправительственные организации» [7, *73*]. Для того чтобы уравновесить влияние крупных корпораций, Еврокомиссия напрямую финансирует некоммерческие организации в области здравоохранения, экологии, прав человека и т. п. Заметим, что и отечественные корпорации достаточно интенсивно работают сегодня в плане продвижения своих интересов [4].

Европейское законодательство позволяет странам – членам Европейского союза вводить дополнительные законодательные нормы в этом вопросе. Как указывают авторы книги «Мировая компаративистика», «...Германия, Польша и ЕС относятся к системам с низким регулированием; правовые пространства, существующие в Канаде и отчасти США, а также Литва, Венгрия, Тайвань и Австралия относятся к системам со средним регулированием» [7, *30*]. Таким образом, мы видим, что Венгрия значительно выделяется на фоне не только Европейского союза, но и стран – членов ЕС с высокой долей финно-угорского населения.

Остановимся немого подробнее на специфике венгерских отношений между бизнесом и властью. В первую очередь следует отметить, что венгерское лоббистское законодательство «не распространяется на деятельность профсоюзов и некоммерческих лоббистских групп» [7, *112*]. Они оказываются полностью вне правового поля, что позволяет крупным корпорациям действовать опосредованно через общественные организации и объединения. Более того, венгерский закон «объективно ограничен в своем применении, фокусируясь только на деятельности контрактных, то есть профессиональных, лоббистов» [7, *112*]. В результате этого «фактически зарегистрировались лишь менее половины от всех венгерских лоббистов» [7, *114*].

Из имеющихся источников сложно делать четкий вывод об уровне корпоративизма в Венгрии. Однако в русле рассуждений по поводу Эстонии можно более или менее обоснованно предположить, что и в этой стране корпоративизм должен быть достаточно высоко развит, так как ближайшие к Венгрии страны (Австрия и Германия) также обладают очень высокими индексами корпоративизма (см. табл. 2). В пользу нашего предположения говорит и тот факт, что Австрия с Венгрией достаточно долгое время сосуществовали в рамках Австро-Венгерской империи.

Теоретически можно допустить, что финно-угорские народы имеют некоторую склонность к корпоративным отношениям между бизнесом и властью и в связи с непростыми условиями проживания. Это северный климат и огромные пространства расселения. Ареал проживания предположительно должен способствовать корпоративной системе отношений между бизнесом и властью, что и показывают индексы корпоративизма. С другой стороны, такие страны, как Германия, Дания, Австрия, тоже имеют высокие индексы. Очевидно, что на отношения между властью и бизнесом влияет множество факторов. Можно ожидать, что применительно к российским финно-уграм должно существовать большое разнообразие факторов, влия-ющих на отношения между властью и бизнесом. Сложность анализа ситуации связана с тем, что на данный момент в этой области не проводится специализированных научных исследований.

Косвенным образом о состоянии отношений между бизнесом и властью позволяет судить новейший рейтинг государственно-частного партнерства. Под государственно-частным партнерством понимается «привлечение в целях достижения задач социально-экономического развития публичным партнером частного партнера к выпол-

нению работ по техническому обслуживанию, эксплуатации, реконструкции, модернизации, строительству объектов общественной инфраструктуры, предоставлению публичных услуг с их использованием на условиях долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества, разделения рисков, компетенций и ответственности, путем заключения и исполнения соглашения о государственно-частном партнерстве» [6]. Высокий уровень институционализации взаимодействия государственно-частного партнерства, на наш взгляд, может говорить о тесном взаимодействии бизнеса и власти на региональном уровне.

Согласно рейтингу регионов России по уровню развития государственно-частного партнерства, выпущенного в 2014 г. Центром развития государственно-частного партнерства при поддержке Министерства экономического развития России и Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, российские регионы с заметной долей коренного финно-угорского населения имеют следующие показатели:

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра – 12-е место;

Республика Коми – 21-е место;

Республика Удмуртия – 24-е место;

Республика Карелия – 35-е место;

Республика Марий Эл – 52-е место;

Республика Мордовия – 53-е место;

Ямало-Ненецкий автономный округ – 64-е место.

Всего в данном рейтинге участвовало 83 субъекта Российской Федерации. В среднем субъекты, где присутствует финно-угорское население, заняли 43–44-е места из 83. Однако вопросы остаются, например: почему регионы с высоким уровнем экономического развития попали как в верх списка (Югра), так и в низ (Ямало-Ненецкий автономный округ)?

Поскольку, как и в случае с «европейскими» финно-уграми, на уровень развития государственно-частного партнерства оказывает сильное влияние множество разных факторов, сегодня проблема их описания и осознания механизмов их взаимодействия требует дальнейшей исследовательской работы.

Поступила 24.09.2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Белоусов, А. Б.* Лоббизм как политическая коммуникация / А. Б. Белоусов. – Екатеринбург : УрО РАН, 2005. – 154 с.
2. *Киселев, К. В.* Лоббизм : некоторые исследовательские парадигмы // Научный еже-годник Ин-та философии и права УрО РАН. – Екатеринбург, 2005. – № 6. – С. 313–335.
3. *Павроз, А. В.* Группы интересов и лоббизм в политике / А. В. Павроз. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 186 с.
4. *Перегудов, С. П.* Лоббизм российского крупного бизнеса в Европейском Союзе (макроуровень) // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 9. – С. 49–63.
5. *Пшеворский, А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / А. Пшеворский. – М. : РОССПЭН, 2000. – 320 с.
6. *Рейтинг* регионов ГЧП-2014 [Электронный ресурс]. Развитие государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации. – М. : Центр развития государственно-частного партнерства, 2014. – Режим доступа: http://pppcenter.ru/assets/docs/raytingreg2014.pdf.
7. *Чари, Р.* Мировая компаративистика регулирования лоббистской деятельности / Р. Чари, Дж. Хоган, Г. Мерфи. – М. : Центр по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти, 2011. – 340 с.
8. *Шестакова, О. В.* Информационный лоббизм как особый тип коммуникативных связей // Власть. – 2008. – № 11. – С. 98–101.
9. *Яковлев, А. А.* Эволюция стратегий взаимодействия бизнеса и власти в российской экономике // Рос. журн. менеджмента. – 2005. – Т. 3, № 1. – С. 27–52.
10. *GR* : Теория и практика : учеб. / под ред. И. Е. Минтусова, О. Г. Филатовой. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. – 180 с.
11. *GR-связи* с государством : теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством / под ред. Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. – М. : Рос. полит. энцикл., 2012. – 407 с.